

направление. У средних веков была своя география, свое государство, своя церковь и наука. И вот в исходе XV столетия является Христофор Колумб и разбивает рубежи, поставленные миру в средних веках. Новому человечеству тесно в прежних пределах. (Как бы предвидя страшные борьбы, которые заставляют многих бежать со старого материка¹), Христофор Колумб приготовил убежище для беглецов. У средних веков было свое государство, свои политические теории. В конце XV и начале XVI столетия раздается страшный голос флорентийского гражданина Николая Макиавелли. Более резкого отрицания средневековых теорий нельзя себе представить. И единство средневековой церкви было разбито Реформацией в² немногих личностях, которые смело начали борьбу³. Но средний век еще не изжил всех начал своих до конца. Наконец, средневековая наука, схоластика, некогда столь блестящая и смелая, сделавшаяся в 14 и 15 столетиях наукою о формах, бесплодную, которой назначением сделалось защищать истины и понятия средних веков, и эта наука разбивается усилиями гуманистов: Эразм, Рейхлин подымаются против нее. За ними — юная дружина людей, изучивших и уважающих глубоко классическое искусство. Повсюду, одним словом, заметен разрыв между средневековою и новою жизнью. Может быть, в целой истории человечества нет такой торжественной и радостной эпохи, как эта. Самые сухие исследования ученых носят в то время какой-то лирический характер. Они⁴ думали, что долгие испытания кончились, что все идеалы человечества готовы осуществиться⁵. События не оправдали этих надежд: XVI и XVII века представляют нам страшные борьбы между старыми и новыми элементами. Человек нетерпелив; он думает, что с падением одного тотчас начинается лучшее, но история не торопится. Разрушая один порядок вещей, она дает время сгнить его развалинам, и разрушители прежнего порядка никогда не видят своими глазами той цели, к которой шли они. Следовательно, мы увидим в новой истории постоянные, непрерывные борьбы между уцелевшими элементами средних веков, новые требования, новую науку, новые идеи. Это дает новой истории такой драматический характер.

Изучение новой истории сопряжено с значительными трудностями. Обыкновенно полагают, что древняя и средняя истории требуют большого вспомогательного знания филологических средств, мелких исследований; но, в сущности, это относится к новой истории. Явления ее так разнообразны и вместе так связаны, что обозреть их можно только ставши на вершину науки современной. Таким образом, обширная сфера наук политико-экономических должна быть пройдена здесь историком. В наше время статистические цифры играют великую роль и дают ключ к уразумению яв-

¹-² Там же: олицетворенной в лице Лютера, Кальвина, Цвинглиа и немногих других (л. 5 об.).

³-⁴ Там же: Можно думать, что воспитание историческое кончилось, что все, что человек носит в себе как идеал, осуществилось (л. 5 об.).